

РЕСПУБЛИКА

АБХАЗИЯ

Республиканское
государственное
учреждение

АПСНЫ
МЕДИА

Газета издаётся с сентября 1991 года

№ 17 (4527) · 24 марта 2026 г.

Памяти Владимира Зантария...

Когда-нибудь умру и стану
Я памятью веков.
Свяжу я новое со старым
Непрочной нитью слов.
Когда уйду, вам Бог ответит –
По сути, я каков.
Теплом души и после смерти
Я примирю врагов.

Надгробье треснет, и могила
Сплошь порастет травой.
Но изменить
и смерть не в силах
Мой облик, разум мой!
Я буду чувствовать –
кружится
Веретено Земли.

И солнце освещает лица
Тех, кто ко мне пришли.
Когда-нибудь
уронит свечка
Слезы последней воск.
Воспоминаньем
светлым, вечным
Остаться б довелось..

Президент Абхазии Бадра Гунба: «Уход из жизни Владимира Зантария – это большая утрата для абхазской литературы, науки, всего гражданского общества нашей страны».

«С глубокой скорбью воспринял весть о кончине Владимира Константиновича Зантария. Он был не только талантливым литератором, но и одним из депутатов первого созыва Парламента Абхазии, ярким журналистом, человеком, посвятившим свою жизнь служению народу и развитию национальной культуры».

Совсем недавно мы встречались с ним. Обсудили много вопросов, которые его волновали. Особенно тревожило Владимира Константиновича состояние абхазского языка и его сохранение в будущем. Мы говорили о разных вариантах поддержки и развития языка, делились мнениями и планами. Эта встреча оставила очень тёплые воспоминания.

Выражаю искренние соболезнования родным и близким Владимира Зантария».

«Народное Собрание – Парламент Республики Абхазия выражает глубокие соболезнования родным и близким Владимира Константиновича Зантария в связи с постигшей тяжёлой утратой».

Владимир Константинович Зантария – депутат I созыва Верховного совета – Парламента Республики Абхазия (1991–1996 гг.). В качестве депутата он внёс большой вклад в становление абхазской государственности.

Владимир Зантария был из когорты абхазской интеллигенции, совмещавшей творческую, научную и общественно-политическую деятельность, получил широкое признание как поэт, публицист, учёный-филолог.

В. К. Зантария всегда отличался своей активной гражданской позицией и был одним из ярких участников национально-освободительного движения народа Абхазии.

Все, кто был знаком с этим ярким и неординарным человеком, ценили в нём открытость, большую творческую энергию.

Мы навсегда сохраним добрую память о Владимире Константиновиче Зантария».

Союз писателей Республики Абхазия выражает глубокие соболезнования родным и близким Владимира Константиновича Зантария в связи с его скоропостижной кончиной.

Абхазские писатели с глубокой болью восприняли утрату видного абхазского поэта, литературоведа, прозаика, публициста, академика, общественного и государственного деятеля Владимира Зантария.

Выходец из села Тамыша Очамчирского района Абхазии прожил яркую и достойную жизнь. Он – доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, заслуженный работник культуры. Член Союза писателей СССР, Союза журналистов РФ, Союза журналистов Абхазии, Союза писателей России, Международной Конфедерации журналистских союзов, Союза писателей Абхазии, затем – Ассоциации писателей Абхазии. Владимир Зантария – лауреат Государственной премии им. Д. И. Гулиа РА. Награжден орденом «Ахьдз-Апша» II степени Республики Абхазия.

Светлая память о нашем коллеге навсегда останется в наших сердцах.

И хотя я уже знал тебя – предстояло продолжать узнавать...

Потому что ты написал: «И мир оскудеет, когда мы уйдем».

Именно так ты написал очень много лет назад, когда не имел права писать так. Не имел права, потому что это было очень много лет назад, и мы «слишком молоды были тогда» для таких – до жестокости честных и смелых слов. Тогда должны были родиться другие слова... Но если бы ты не написал этих слов и родились бы другие, ты не стал бы Собственником Боли Слова Единственного («Республика Абхазия» от 10 сентября 2024 года). И ты написал именно так и потом уже именно так назвал по объёму небольшую, но тяжёлую по внутренней концентрации эмоций книгу. Да еще и добавил: «Промозглый март. Земля скорбит. Сердца изранены... Знобит». И когда в 1986 году председатель Союза писателей Абхазии Алексей Джонуа познакомил нас (в связи с прибытием из Армении группы деятелей литературы и искусства), я уже знал тебя, хотя предстояло продолжать узнавать тебя, и бо

*еще в земле мерцают семена,
еще моря хранят себя от скверны,
еще благие небеса безмерны,
и звездами любая ночь полна.*

И чтобы продолжать узнавать тебя, я был обязан стать автором твоих стихотворений на армянском языке: настолько чутким, чтобы слышать, «как лезет из земли травяная жила, когда ночь принимает твою исповедь...».

Радость узнавания продолжалась на страницах новых книг, в новых публицистических выступлениях и художественных зарисовках, в научных изысканиях...

Ты трудился практически до последнего дня: недавно сказал, что начал работать над альманахом стихотворений, посвященных столице Абхазии; сообщил, что намерен провести литературные встречи в сухумской пятой и новофонской средних школах, посвященные памяти Баграта Шинкуба и Александра Бардодыма; очень переживал за судьбу журнала «Акуа/Сухум» (невозможно передать словами твоё воодушевление,

когда ты с благодарностью говорил о намерении нового главы Администрации города Сухума возобновить финансирование журнала).

Обязательно хочу сказать о твоём тесном сотрудничестве с нашей газетой: твои статьи часто печатались на ее страницах. Вот и в сегодняшнем номере публикуется недавно переданная редакции статья о Валерии Гамгия – авторе Государственного Флага и Гимна Республики Абхазия. Кстати, по результатам некоторых наших публикаций ты стал победителем конкурса, объявленном Союзом журналистов Абхазии, и лауреатом Международной премии «Армянские мотивы-2025».

Свое прощальное слово хочу завершить твоими пророческими словами: **«Светлая память...» Все той же краской И тем же шрифтом – двойная дата: Родился – умер. А свет не гаснет, Свет, что тобой был зажжен когда-то.**

Артавазд САРЕЦЯН

Памяти Владимира Зантариа...

«Вот так же встретимся в Абхазии на Брехаловке... С полными рогами изабеллы шипучей... Счастья, любви, творческой эйфории», — последнее, что писал мне неделю назад дорогой Владимир Константинович, когда мы обсуждали его новую книгу о Хибле Герзмава. День поэзии сегодня омрачен скорбью для меня. В возрасте 72 лет ушел из жизни абхазский поэт, писатель, деятель культуры, наставник и друг, академик Владимир Константинович Зантариа.

Больше года мы вели добрую переписку, планировали встречу. Передавали из страны в страну, из дома в дом приветы, стихи, аудиозаписи. На стеллаже книгообмена в РУДН как-то нашла сборничек его старых стихов. Вот так, и время, и пространство не властны. Абхазия для меня особенная страна. Великая и дорогая сердцу. Потеря одного из лучших поэтов Страны Души для литературы абхазской, русской, мировой невосполнима и еще долго не будет осознана — ни миром, ни мною, ни коллегами, связавшими нас.

Читайте стихи Владимира Зантариа.

Он оставил после себя богатейшее культурное наследие.

На причале у Брехаловки, близ которого местные встречаются за кофе и нардами, я буду всегда видеть Владимира Константиновича. Неизменно улыбающегося. Машущего рукой. Восходящего на борт ослепительного белого корабля.

Стефания ДАНИЛОВА,
поэт, лауреат Государственной премии имени Андрея Дементьева

Сегодня скорбью наполнились наши сердца. Горестная весть об уходе из жизни выдающегося поэта, гражданина, писателя, ученого, государственного и общественного деятеля Владимира Константиновича Зантариа полосула по сердцу. Неизбывная потеря для братства народов Кавказа, для культуры наших стран, Абхазии и России. От Каспия до Черного моря, от ледников до предгорий — сегодня мы склоняем головы вместе с вами перед памятью гражданина, мужество, интеллект, человечность и талант которого служили свободе и славе своей родины, ее культуре, созиданию, высоким идеалам гуманизма. По масштабу и своей духовной устремленности он был человеком эпохи Возрождения, титаном при всей своей мягкости и человеческой теплоте. Он гармонично соединял в себе такие качества и таланты, которые позволяли назвать его образцом воплощения Божьего замысла в человеке. Наверное, нет той сферы жизни государства, где он не оставил бы свет своей души, своего ума. Мы, писатели Кавказа, от своего имени и имени миллионов наших сограждан выражаем глубокие соболезнования родным и близким, коллегам Владимира Константиновича, всему абхазскому народу, великому народу, подарившего миру такого достойного сына. Вы — воины, вы — творцы, вы — люди, которые умеют смотреть смерти в лицо. Но сейчас мы просим вас: примите нашу силу как часть вашей. Мы разделяем вашу утрату. Память о нашем друге, соратнике, коллеге всегда будет жить в наших сердцах.

Миясат МУСЛИМОВА, Клуб писателей Кавказа

Мастер кисти и резца

Носитель национальной идеи, пассионарного духа, великого божественного дарования Валерий Гамгия — автор Государственного Флага и Герба Республики Абхазия, мой ближайший друг словно ожил на мгновение, когда я на днях смог пообщаться с его сыном — главным врачом Национального онкологического центра Абхазии Нартот Валериевичем. Было ощущение, что это мой друг, художник от Бога, один из самых энергичных, волевых, харизматичных лидеров Народного форума Абхазии «Аидгылара», настроился, как всегда, задумчиво и обаятельно улыбаясь, продолжить начатый где-то в конце 1980-х и прерванный войной разговор о судьбе Абхазии, об искусстве, о литературе, о друзьях, об истории Абхазии и многом другом, что объединило почти всю национальную интеллигенцию в переломную для нашей страны пору. Но увя! Друга давно нет, а на память приходят процессы, вылившиеся в колоссальную 40-тысячную Лыхненскую акцию (18 марта 1989 г.), встряхнувшую всю закостенелую политическую иерархию того времени, жестко пресовавшую малочисленные народы.

Выпускник Тбилисской академии художеств, Валерий Гамгия, уже тогда созревший как профессионал-монументалист, был принят в члены Союза художников Абхазии и СССР. С его именем связано возрождение монументальной живописи в Абхазии в 1970-х годах прошлого века. Он создал эпохальные историко-мифологические циклы. Монументальные фрески и панно Валерия Гамгия обладают исторической, этнографической и художественной ценностью. Это — «Апстазара-ацла» («Древо жизни»), село Мачара, Сухумский район (1974); «Щардаамта» («Долгие лета»), Сухум, гостиница (1977); «Абрьскиль», село Члоу (1981) и другие. Валерий Гамгия — один из тех абхазских художников, кто вместе с выдающейся Мариной Ефремовной Эшба принципиально добивался возвращения самостоятельного статуса Союза художников Абхазии, насильственно включенного в Союз художников Грузии. Он один из тех, кто настойчиво требовал незамедлительного создания Народного форума Абхазии, способного защитить авторов и подписантов Письма (1988) в Высшие органы советской державы, в Кремль, за подписью 60 человек, документа, выдвигавшего вопрос о восстановлении суверенитета

ССР Абхазии (1921 г.). Таким он был, Валерий Гамгия — идейным, неотступным и бескомпромиссным в судьбоносных для абхазского народа вопросах.

Долгие годы Валерий Гамгия был главным художественным редактором детского журнала «Амцабз». Его блестящие иллюстрации навсегда останутся лучшими образцами художественного оформления детской и юношеской литературы. Он работал душа в душу с А. Гогуа, Ш.Цвижба, П. Бебиа, З. Аджинджал, Г. Аламиа, С. Таркил, В. итанаа, И. Ласуриа и другими видными мастерами. Он был и остался кумиром и учителем для многих ярких творческих индивидуальностей в сфере изобразительного искусства.

Ольга Войцеховская-Брендель характеризует глубоко самобытный талант Валерия Гамгия как многогранный. «Начинал он как график, и в этом направлении очень интересна его работа «Моя Абхазия», его не устраивала только графика, ему были интересны не только линии в своем произведении, но и цвет, даже его графические произведения стали довольно быстро получать цветовой эффект», — подчеркивает она.

Мне выпала честь написать сценарий телеочерка о крупном мастере кисти и резца. По крупным собирав штрихи к его творческому портрету. Работа по сбору материалов убедила меня в утонченности мировосприятия художника, в масштабности его эстетических взглядов. И созданный мной совместно с оператором Давидом Авидзба телефильм собран из очень важных эпизодов спокойной жизни и творческих исканий художника. Я помню, как Первый Президент Абхазии

Владислав Ардзинба работал с Валерием над созданием Государственного Герба и Флага Абхазии. Сколько взаимопонимания и взаимных симпатий было между двумя интеллектуалами, высокообразованными людьми, выходящими Абхазии из-под гнета грузинской мини-империи, выражаясь словами академика А. Сахарова. Результатом работы группы по подготовке символов Абхазии явилось принятие Первым Парламентом РА соответствующего постановления.

В годы Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. Валерий Гамгия находился в Гудауте. Он создал эскизы, символические знаки государственных наград: ордена Леона, медалей «Герой Абхазии» и «За отвагу». Они явились последними его отчеканенными творениями, обладающими особой художественной спецификой. 21 октября 1992 года Валерия Гамгия не стало. Парня рыцарского телосложения, истинного потомка легендарных нартов, подвело здоровье. Видимо, устал он от долгих лет неутомимой борьбы за справедливость. За особые заслуги перед Отечеством в 1994 году Владислав Ардзинба посмертно наградила его орденом Леона.

С глубоко аргументированным мнением В. Гамгия считались руководители государства Б. Адлейба, В. Кобаха, Б. Шинкуба. Кстати, он является автором классически выдержанных иллюстраций к роману Б. Шинкуба «Ацынцварах» («Последний из ушедших»), произведениям А. Гогуа, М. Ласуриа, Нартскому эпосу и другим знакомым вещам.

У Валерия Гамгия — красивая, образцовая семья. Помню, как Роза Хашба (Гамгия), чуть смущаясь, любовалась и гордилась

роскошным подарком от супруга — своим великолепным классическим портретом, созданным Валерием в стиле эпохи Ренессанса. Сыновья Нарт и Нар, дочери Нана и Валерия воспитаны в лучших абхазских традициях. Так что в моем представлении Валерий жив.

Помню, в честь присуждения премии им. Д.И. Гулиа Валерий Гамгия пригласил друзей на веселое творческое застолье на Кинопрокат, в новую мастерскую, которую он смоделировал, возвел своими руками. Тамадой он назначил Мирода Гуажба, мудреца, сказителя, который с первых дней грузино-абхазской войны взял автомат и вместе с друзьями и бесстрашной Феней Авидзба пошел на Гумистинский фронт и погиб геройски, в неравной схватке с оккупантами. То застолье запомнилось искромётным юмором лучших художников, писателей, артистов, музыкантов, певцов, хореографов.

Валера был очень близок с Алексеем Гогуа. Работая главным художником журнала «Амцабз», он охотно поддерживал атмосферу обмена мнениями по новым веяниям в мировой литературе, главным проводником которых в Абхазии был сам Алексей Ночевич, духовный учитель нового творческого поколения, новатор, реформатор структуры отечественной прозы. Помню, Алексей Ночевич, автор культовых романов «Нимб», «Асду», давал нам всем поочередно ознакомиться с непревзойденными романами Варгаса Льосы «Город и псы», «Взгляни на дом свой ангел» Томаса Вулфа, «Женщина в песках» Кобо Абэ и другими.

Валера был надежной духовной опорой Алеши Гогуа и в творчестве, и в недрах общенационального движения «Аидгылара». Он «шел в атаку» против любого чиновника любого ранга, и делал это осознанно, зная, что если хоть один раз прогнемся, не стоим свои позиции по стратегическим для Абхазии вопросам, можем потерять шанс и перспективу навсегда.

Случилось так, что мне на седьмой день женитьбы (1979 г.) в Сухум с Золотого берега (т. е. из Мгудзырхуа) срочно сообщили о приглашении для знакомства с родителями жены. Меня такое известие застало врасплох. Надо было найти друзей (авуайеров), нужен был транспорт и солидный подарок для тестя (если не белая бурка, то хотя бы крутой костюм).

Иду, переживая, волнуясь, и вдруг, выходя на Сухумскую набережную, встречаю Валеру Гамгия,

который мгновенно уловил, что я чем-то встревожен. Узнав причину, по-джентльменски улыбаясь, он произнес: «Вот на этой красной шестерке поедем, костюм купишь в хорошем магазине, а что касается сопутствующих дружков, сейчас мы их найдем, здесь же на набережной». И смотрим, у входа в ресторан «Амра» стоят, облокотившись о поручни перил, Михаил Бгажба, Алексей Гогуа, Фазиль Искандер. Они были чуть подшофе. Видимо сымпровизировали литературные посиделки в модном в те времена ресторане.

В итоге при незаурядном дипломатическом посредничестве дорогого Валеры Гамгия все в Мгудзырхуа прошло превосходно.

А сколько было таких совместных поездок! Помню, в 1978 г. мы с Валерой, Ермолаем Аджинджал, Сергеем Цвижба, Куастой Ацнариа объезжали города и села Абхазии на той же красно-малиновой шестерке Валеры Гамгия, которую он приобрел по госцене, без очереди благодаря Борису Викторовичу Адлейба, весьма уважительного относившемуся к нему. Да и в целом, первый секретарь обкома многое сделал для интеллигенции в плане обеспечения их жильем, выделения им творческих помещений. А дни абхазской культуры в ГДР, в которых участвовал целый писательский «десант» во главе с Багратом Шинкуба. А сложнейший акт перезахоронения праха великого абхазского художника, сценографа А.К. Чачба-Шервашидзе. Все это — реальные результаты личных связей Бориса Викторовича с влиятельными политиками, послами, государственными деятелями.

Значителен вклад автора текста Гимна Абхазии Геннадия Аламиа в популяризацию творчества Валерия Гамгия. Он посвятил ему солидный фотоальбом, раскрывающий образ и внутренний мир народного художника. Г. Аламиа вспоминает: «В тот момент мы еще были в Парламенте вместе с грузинской частью депутатов. Я помню этот день. Флаг был вынесен на утверждение, и надо было видеть не сам Флаг, а те страсти и эмоции, которые он вызвал в зале. В тот день произошел перелом в сознании людей. У врагов нашей независимости пошатнулось основание их теории незыблемости территориальной целостности Грузии, а у тех, кто не сомневался, что мы добьемся свободы и независимости, добавилась решимость».

**Владимир ЗАНТАРИА,
писатель, академик**

«Люблю, как сын, Абхазию мою...»

К 105-летию со дня рождения Ивана Тарба

Начиная с первой половины 50-х и вплоть до конца 80-х годов минувшего столетия этого самобытного абхазского поэта и прозаика нередко печатали на русском языке, причем немалыми тиражами в центральных московских издательствах и во всесоюзных литературных журналах. Печатался он на русском, конечно же, и в Тбилиси, и в Сухуме. Выходили его книги и на других языках народов СССР и зарубежных стран. Читатели и критики отмечали как несомненный литературный талант Ивана Тарба, так и особый лиризм его произведений – светлых, наполненных яркими красками и какой-то особой проникновенностью, возвышенностью и искренним желанием сделать окружающий мир краше, добрее и человечнее.

Классик абхазской советской литературы, почитаемый у себя на родине, порядком подзабыт у нас в России. Так уж сложилось. А ведь было время, когда на просторах не только РСФСР, но и всего Советского Союза, и в первую очередь в литературной, писательской среде, достаточно хорошо знали творчество абхазского художника слова, да и самого Ивана Константиновича – человека открытого, общительного, ценившего дружбу, трепетно относившегося к своим друзьям и уважительно к многочисленным товарищам, бывшим у него во многих советских республиках.

105-летний юбилей со дня рождения крупнейшего литератора и общественно-политического деятеля братской Абхазии, лауреата Государственной премии Абхазской АССР им. Д.И. Гулиа и премии ЦК Компартии и Совета Министров Грузинской ССР, кавалера орденов Дружбы народов и «Знак Почета», приходящийся на 21 марта текущего года, дарит нам прекрасную возможность вновь соприкоснуться с историей его жизни и творчеством, которое, к счастью, не кануло в Лету, а до сих пор продолжает оставаться привлекательным и духоподъемным.

Иван Тарба, начинавший путь в литературе как поэт, всегда был и лириком, и философом одновременно. Он видел родную землю и людей особым зрением, позволявшим ему подмечать как крупные, существенные особенности и детали, так и мелкие, незначительные штрихи. Особо пристально он всматривался в человека, современника, желая видеть его во всей человеческой красе. Причем он как художник подлинно советский, но при том исконно национальный, не забывавший народные обычаев и традиций, хотел видеть человека, народ – сильным, одухотворенным, трудолюбивым, живущим по вечным нравственным законам и стремящимся к высоким целям.

Так, в стихотворении «Молитва», а написано оно было в 1971 году, уже достаточно зрелый поэт, выбрав несколько неожиданную форму молитвенного обращения к судьбе, а, по сути, и к самой жизни, говорит о своем отношении к жизненному

пути, о вере в народ, в человека, в любовь, в то, что жизнь обязательно должна быть хорошей и содержательной, так как в ней «упований взойдут семена»:

*Пусть не заблудится путник в дороге,
Пусть над ним светит во мраке луна,
Пусть его женщина ждет на пороге,
Пусть она будет в него влюблена.*

*Пусть не томит меня лето жарою,
Пусть ко мне тянутся с веток плоды,
Пусть меня встретит родник
под горою,
Пусть будет кружка стоять у воды.*

*Пусть мы прославимся, кое-что знача,
Пусть о нас добрая ходит молва,
Пусть нам сопутствует в жизни удача,
Пусть не сотрутся святые слова.*

*Пусть не напрасно будет молитва,
Пусть упований взойдут семена,
Пусть не состарится эта молитва,
Пусть отвратит все плохое она.*

Перевод Я. Козловского

Сердце поэта всегда переполнялось любовью: к родной Абхазии, к большой и могучей стране, к народу, к человеку, к женщине. О любви к жене, хранительнице домашнего очага, в свойственной настоящему горцу манере, поэт говорил в стихотворении «Песня мужа о собственной жене»:

*Еще мне женою жена не была,
Когда я, не скрыв одержимого пыла,
Поклялся в любви ей. Вчера ли то было,
А может быть,*

целая вечность прошла?

*В разлуке скучаю о ней неспроста.
Ценю и заботу ее и усердьё.*

Я – мужество мира,

она – милосердьё.

*Я – строгость закона, она – доброта.
И, в путь провожая близ отчих ворот
С любовью меня, не скрывая тревоги
Она мне желает счастливой дороги
И стремя удачи сама подает.*

Перевод Я. Козловского

Писал Тарба и о бескрайности земли, о впечатлениях от увиденного в ходе его командировок по стране и за рубежом, о сопоставлении различных культур, о ценности человеческого межнационального общения. Вспоминаются такие его строки из стихотворения «Земля»:

*Я – житель волн и житель скал,
Сын милой горной стороны.
Я много ездил и видал
Мир весь почти – со стороны.*

*Опять по глобусу гоню,
Опять кручу его – крути!
А в сердце бережно храню
Все, что увиделось в пути.*

*Мы все по-разному живем
На этой маленькой земле:
И на просторе полевом,
И в птичьих гнездах на скале.*

Перевод Я. Смелякова

Свои взволнованные, лиричные и гражданственные строки Тарба посвящал Абхазии, Грузии, России, зарубежным впечатлениям и союзным республикам, природе, матери и отцу, слову и поэзии, труду, времени, жизненным дорогам, думам о настоящем и будущем. Также свои стихи поэт посвящал друзьям – поэтам и писателям: К.Симонову, А.Твардовскому, Р.Гамзатову, К.Каладзе, Г.Леонидзе, О.Гончару, Я.Козловскому, Е.Евтушенко, Н.Хикмету.

Разнообразным, многогранным и глубоким было поэтическое творчество абхазского литератора, работавшего страстно, не жалея сил, вдохновения и стремившегося тем самым показать красоту своей республики, ее народа-труженика, народа-создателя.

Кстати, русскоязычному читателю при знакомстве с произведениями поэта действительно повезло видеть все их своеобразие и неповторимый лиризм, что достигалось благодаря блестящим переводом. А перевели абхазского писателя на русский язык такие признанные мастера русской словесности, как Н.Тихонов, Н.Асеев, М.Светлов, Н.Заболоцкий, Я.Смеляков, М.Львов, А.Кронгауз, Я.Козловский, Н.Гребнев, А.Межиров, К.Ваншенкин, В.Соколов, О.Шестинский, Е.Евтушенко, Р.Казакова, Л.Озеров и другие.

Иван Тарба, уроженец села Беслахуба

(Окончание на 4-й стр.)

Театр на вилле Алоизи

Эта история произошла в начале XX века, когда власть большевиков в Абхазии ещё не утвердилась окончательно. Она не оставила следа в народной памяти из-за куда более масштабных событий, растянувшихся на полвека. Вот почему я не берусь судить, насколько она передана правдиво или соткана из разных архивных обрывков, но сомнений в её достоверности не испытываю, потому и отваживаюсь пересказать о невероятных стечениях судеб людей, известных в Сухуме и поныне.

Речь пойдёт о французском купце и театральном антрепренёре Иоакиме Алоизи, о князе Александре Шервашидзе-Чачба, о режиссёре-новаторе Николае Евреинове и петербургской актрисе Наталье Бутковской. Все эти люди оказались связаны особым образом в авангардной (по тем меркам) трагикомедии «Весёлая смерть», поставленной в 1919 году на подмостках сухумского частного театра. А также о том, как эта история отразилась спустя многие годы на судьбе выдающегося деятеля абхазской культуры Самсона Чанба и, возможно, определила его последний «жест» перед лицом смерти.

Эту историю мне рассказал мой друг юности Сергей Чанба. Его отец служил в органах КГБ Абхазской АССР. В 1977 году я переходил в десятый класс, а Сергей был выпускником. Помню, мы шли мимо Абхазского драматического театра имени Самсона Чанба, когда я обратил внимание на фамилию с таблички на фасаде и спросил, не приходится ли Сергею этот человек родственником. Он усмехнулся и предло-

жил историю, которую рассказал ему отец в ответ на такой же вопрос.

В конце шестидесятых, когда отец Сергея занимался ревизией архивов КГБ, его внимание привлекли сохранившиеся папки из дела Самсона Чанба, расстрелянного в 1937 году по статье «враг народа». Большая часть бумаг касалась его литературной и общественной деятельности. И среди них были записи, посвящённые театру Алоизи, в том числе связанные с постановкой пьесы «Весёлая смерть», в которой главную роль сыграл сам хозяин театра.

В 1918 году в Сухум приехал князь Шервашидзе-Чачба с модным режиссёром Николаем Евреиновым и актрисой-танцовщицей Натальей Бутковской. Они покинули Санкт-Петербург, где представителям богемы оставаться было опасно. Князь переживал смутные времена на родине отца, открыв в Сухуме студию рисунка для местных сословных элит, ещё не притеснённых большевиками. А также совместно с Евреиновым и Бутковской ставил в театре Алоизи авангардные спектакли. Когда было решено показать местной публике «Весёлую смерть», имевшую огромный успех в Париже и в дореволюционном Санкт-Петербурге, хозяин театра предложил себя на роль Арлекина. Идея всем понравилась, и Иоаким Алоизи был утверждён на роль главного шута, игравшего свою смерть.

Похуже, Алоизи хорошо понимал, что красная волна скоро накроет и Абхазию. Купец, владелец театра, миллионер и иностранец – всё это делало его идеальной мишенью для экспроприации, подозрений

и даже расстрела. Возможно, играя своего героя, умирающего со смехом, Иоаким репетировал собственный финал: способ уйти достойно, не дожидаясь, пока его сломают и унизят.

Самсон Чанба в тот год уже работал в газете «Апсны». Он освещал это сенсационное театральное событие и в конфискованных записях упоминал не о безумном фарсе, скрывающем страх, а о пронзительной силе актёра, выраженной не техникой, не мастерством, а каким-то внутренним горением. Город судачил: старый делец, миллионер надел трико фигляра и стал всем на потеху. Местные острословы язвили, что деньги кружат голову сильнее вина. Но Чанба видел в игре Алоизи роль без пафоса, будто человек впервые позволил себе быть самим собой накануне заката целой эпохи. Иоаким Алоизи в роли Арлекина, по мнению Чанба, обрел на сцене свободу быть смешным и лёгким. Он умирал в Арлекине со смехом, танцуя и насмехаясь над смертью – и в этом гротеске, почти богохульном жесте, Алоизи словно предлагал всем обречённым на унижение найти нечто большее, чем покорность и выживание любой ценой.

Человеку, знающему, что будет раздавлен, даже если и приспособится к новым порядкам, остаётся лишь одно – выбрать, как именно его раздавят: жалким просителем, сломленным страхом, или смеющимся Арлекином, сохраняя лицо, с которым жил, и достоинством, которого не могут отнять.

Мне трудно понять, почему Алоизи не последовал примеру Шервашидзе-Чачба и многих других, кто в 1920-1921 годах покинул Абхазию навсегда. Материального состояния хватало бы на новый театр в Париже и на безбедную жизнь. Неужели испытанные чувства на сцене были так

сильны, что, вопреки здравому смыслу, стоили того, чтобы испытать их в момент смерти? Вопрос, конечно, риторический, но, быть может, он уже тогда сделал свой выбор. Быть может, решил, что бегство – тоже капитуляция.

Эти записи Самсона Чанба были датированы 1925 годом. В этот год судьба свела Самсона и Иоакима по-настоящему. Чанба переехал на виллу бывшего владельца театра, получив квартиру на втором этаже национализированного дома. А на первом этаже, в тесной квартире доживал свой век сам Иоаким Михайлович – уже не владелец, а терпящий невзгоды квартирант в собственной вилле. Ему было за семьдесят. Соседи рассказывали, что в последние годы он время от времени заливался громким, надрывным хохотом и выкрикивал: «Арлекин умрёт вот так!!!». Это были репетиции встречи со смертью, которая не заставила себя ждать. Сам Самсон Яковлевич стал её свидетелем. «Старик смеялся и задыхался, смеялся и хрипел. В глазах горел восторг, а по губам читалось: Арлекин умирает вот так...» – записал Чанба.

Заканчивая историю, Сергей добавил: «Самсон Чанба был расстрелян, и в акте исполнения приговора кто-то из присутствовавших сделал запись: «Приговорённый в момент исполнения смеялся».

Такая смерть может казаться бессмысленной. Но для того, кто так умирает, она – единственная оставшаяся свобода.

P.S. Отец Сергея был убит грузинскими гвардейцами в 1992 году на глазах супруги. Сергей прошёл грузино-абхазскую войну, но погиб нелепой смертью в первый послевоенный год.

Геннадий ГАМГИЯ

«Люблю, как сын, Абхазию мою...»

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Очамчирского района Абхазии, был сыном своего времени. Если коротко обозначить вехи его биографии, то перед нами предстанет такой его портрет.

После обучения в Бесплахубской начальной школе и в Очамчирской средней школе-интернате, Тарба в 1947 году окончил отделение русского языка и литературы филологического факультета Сухумского государственного педагогического института имени А.М. Горького. В 1930-е годы Иван, будучи еще учеником школы, умудрялся уже работать в редакции районной газеты «Большевикский путь», а затем некоторое время он, член КПСС с 1940 года, работал в редакции газеты «Апсны капш» («Красная Абхазия») и инструктором обкома партии. В 1948 – 1953 и 1958 – 1979 годах он трудился председателем Союза писателей Абхазской АССР. В 1953 – 1954 годах И. Тарба был министром просвещения Абхазской АССР. В 1954 – 1958 годах являлся секретарем Абхазского обкома Компартии Грузии. С 1979 года признанный в народе писатель был секретарем Абхазского областного совета профсоюзов.

Тяжелые испытания придется пережить Ивану Константиновичу в старости. Во время Отечественной войны 1992 – 1993 годов в Абхазии тяжело больной писатель некоторое время находился в оккупированном грузинскими войсками Сухуме, где от осколков разорвавшегося снаряда во дворе собственного дома погибла его супруга, актриса театра, народная артистка Абхазии и Грузинской ССР Этери Когония.

Впоследствии Ивана Тарба удастся вывести в Гудауту. Несколько позже он окажется в Пицунде. Доведенный до отчаяния Тарба попытается покончить с собой, но чудом останется жив. Прежде чем уйти из жизни, он напишет письмо «Вместо заветания», адресованное абхазским писателям и объясняющее причины принятого им решения. Тяжелая военная ситуация, потеря близких людей, неизлечимая болезнь не давали ему покоя. И тем не менее, несмотря на трудное положение Абхазии, Иван Константинович оставался преданным родине и верил в ее победу. Мысли же, выраженные в том письме, были высказаны автором намного раньше в стихотворениях

«Зачем мне долго жить...» 1988 года и «Свобода», написанном в мае 1992 года.

Многие годы писатель избирался членом обкома партии и депутатом Верховного Совета Абхазской АССР, а в 1954 году – депутатом Верховного Совета СССР четвертого созыва.

Писать Тарба начал рано. С 1937 года его стихи начали печатать, в том числе и в республиканской печати. В 1949 году выходит первый сборник стихов, поэм и переводов молодого поэта «Горный родник». А с 1953 года его начинают публиковать и в московских издательствах.

«Читатели и критики отмечали как несомненный литературный талант Ивана Тарба, так и особый лиризм его произведений – светлых, наполненных яркими красками и какой-то особой проникновенностью, возвышенностью и искренним желанием сделать окружающий мир краше, добрее и человечнее».

С начала 60-х годов минувшего века Иван Константинович обращается к прозе. В 1963 году выходит его роман «Известное имя», а в 1968 году – «Солнце встает у нас», отмеченный в 1971 году Государственной премией Абхазской АССР имени Д.И. Гулиа. Позднее выйдут романы писателя «Глаза моей матери», «Начало мира».

Также Иван Тарба выступит и в роли сценариста. По его сценарию снимут первый абхазский фильм «Кто оседлает коня».

Появившийся в 1970 году в русском переводе, прекрасно осуществленном В. Солоухиным, роман «Солнце встает у нас» имел большой успех. Отметим его и товарищи Ивана Тарба по писательскому цеху. Вот что писал о нем выдающийся русский советский писатель Михаил Алексеев: «мой большой друг Иван Тарба, отчаявшись, похоже, увидеть меня у себя в гостях, и мне подарил книгу с несколькими, я бы сказал, самонадеянным заглавием: «Солнце встает у нас».

По прочтении романа, а также нескольких сборников его стихов, вышедших ранее, теперь уж и я готов согласиться с автором, что небесное светило подымается именно там, в Абхазии, и рождается оно в сердце

старого пастуха Харзамана, в прекрасных глазах прекрасной его внучки Амры. Вместе с рассказчиком я сижу за низким столом мудрого горца и понимаю славного парня Алоу, когда он признается, что «целый вечер... не смел посмотреть перед собой, чтобы не взглянуть на Амру, сидящую напротив». Он не смог поднять глаз своих, верно, потому что ему до невозможного хотелось сделать это, потому что Алоу любил. А я полюбил самого Алоу, потому что, будучи влюбленным, он взволнованно рассказал мне не только об Амре, но и о ее дедушке, матери, отце, о своем селении

Новолунии и в конце концов обо всей Абхазии с ее великолепными обычаями, с ее неповторимой красотой».

Этот небольшой по объему роман повествует об Абхазии, ее традициях и обычаях. В центре романа – история о любви молодого ветеринара Алоу к красавице Амре, работающей сельской учительницей. Видим мы в повествовании также старого пастуха Харзамана, его сына и невестку, их односельчан, складывающиеся в их общине взаимоотношения. Показывает нам автор и их внутренний мир, представленный о жизни, любви, семье, обществе. На фоне этой незамысловатой истории, где присутствует даже эпизод о похищении невесты, писатель показывает и современный день республики, в котором идет строительство электростанции и меняется облик всего сельского поселения. Затрагивает Иван Тарба в романе и вопросы об отношении к традициям, природе, к животным, в том числе и тем, которые не могут жить, не испытывая при сем недостатка в пище, в неволе, как и та косуля, подаренная Харзаманом внучке Амре, выросшая на их подворье и гибнущая при попытке пере-

прыгнуть через высокий забор, дабы уйти в горы, туда, где и находится среда обитания ее рода. Писатель показал нам своего молодого героя человеком мыслящим, переживающим, стремящимся постичь мир и, конечно, влюбленным, страдающим и готовым бороться за свою любовь. Интересно звучат мысли Алоу Нанба, рождающиеся у него в горах. В них четко просматривается авторская позиция, глубоко философская по смыслу: «У гор своя чистота и своя гордость. Есть у них и своя осанка. И вот они от маленького существа, поднявшегося на них, тоже требуют осанки, гордости, чистоты. Невольно оглядываешься на себя, невольно становишься или хотя бы стараешься стать чище и выше. Горы учат тебя тому, что должен ты быть гордым, они вливают в тебя некую силу, они помогают тебе сосредоточить и волю, и мысли, они способствуют трезвой душевной ясности. <...> Передо мной лежит весь мир, иди по нему, наслаждайся им и подари ему всю свою жизнь. Если мир лежит передо мной такой огромный, такой ясный, почему я должен смотреть на него глазами, полными тоски и скорби? Человек незаметно может привыкнуть к горьким мыслям и к горечи в душе. Если он даст им волю, то они будут подтачивать его, человек ослабнет. Свет жизни для него потускнеет и померкнет, душевная вялость одолеет его. Нет, я не должен подпускать к себе никакого мрака. Я еще не сделал по жизни и трех шагов, а мне кажется, что я уже споткнулся, и меня одолевает робость перед дальностью пути. Далеко ли я уйду, если начать отдыхать на первом шаге?»

Роман этот, как и другие, написан доступным языком и читается с неподдельным интересом уже хотя бы потому, что перед глазами жизнь другого народа, близкого нам, братского, но живущего тем не менее по своим нетленным национальным законам, строго соблюдавшимся, по крайней мере, в то, не такое уж и далекое от дня сегодняшнего время.

Писатель оставил потомкам немалое литературное наследие. Отраднo, что его не забыли в родной Абхазии. Именем Ивана Тарба названа одна из улиц города Очамчыры.

Память о талантливом и пытливым абхазском художнике слова жива.

Руслан СЕМЯШКИН,
Республика Крым

Наши на Фестивале цветных поясов

Спорт

■ Спортсмены из Абхазии успешно выступили на Фестивале цветных поясов по тхэквондо (ИТФ) в Сочи. В турнире, собравшем 140 участников, команда из Абхазии, состоящая из 42 спортсменов, показала высокие результаты, завоевав 36 медалей различного достоинства.

Первые места заняли: Сергей Мазуляк, Артем Задьян, Микаэлла Хачатрян, Самир Бигвава, Луман Тарба, Руслан Трапизонян, Арман Текнеджян, Сергей Барциц, Григорий Барциц, Саид Барциц, Арман Трапизонян, София Хварцкия, Тигран Кесян, Эрик Каракеян, Артур Каракеян, Еснат Пилия, Матвей Орлов, Элизбар Ермолаев, Юра Календжян, Айнар Джикирба, Леон Юнусба и Ева Шашура. Также два первых места в своих категориях завоевали: Леон Календжян, Анель Малия и Руслана Гусак.

Вторые места заняли: Еснат Тания, Руслан Барциц, Мирон Айба, Иснат Кварацхелия, Грант Матевосян, Ясон Терзян, Даниэл Манукян, Софа Еник, Эраст Габлия, Айнар Кайтан, Еснат Кутарба, Богдан Шашура, Александр Шашура.

Третьи места заняли: Марат Сртлян, Эрик Календжян, Саят Давитян, Борис Мхонджия.

Подготовку спортсменов к соревнованиям осуществляли опытные тренеры: Тимур Барциц, Аляс Агрба, Саида Гунба, Никита Ухваков, Эдуард Арзуманян, президент Федерации тхэквондо РА Отар Гогуа.

АПСНЫМЕДИА

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «АПСНЫМЕДИА»

Р/с РГУ «Апснымедиа»:
4050 3810 0000 0000 0016

Наш адрес: Республика Абхазия, Сухум, ул. Званба, 9.
Тел.: +7 (840) 226-45-11, +7 (840) 226-78-72

И. о. гл. редактора Артавазд Сарецян
Сайт: gazeta-ra.info E-mail: gazeta_ra@rambler.ru

МНЕНИЕ РЕДАКЦИИ МОЖЕТ НЕ СОВПАДАТЬ С МНЕНИЕМ АВТОРОВ

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ, ОБЪЕМ — 1 ПЕЧ. Л., ЦЕНА — 20 РУБ.

Материалы внештатных авторов, не заказанные редакцией, принимаются в объеме до 5000 знаков с учетом пробелов. Редакция не вступает в переписку с авторами.